

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона

Наш альманах выходит уже шестнадцатый год, и за это время мы никогда еще не предлагали читателям произведение, публикация которого, по нашим расчетам, продлится более года. И вот – роман «Отмычка Соломона», первые главки вы прочтете в этом номере, а там – уж как вам, уважаемые читатели, будет угодно. И все же рискуем предположить, что найдется немало таких, кто станет увлечен калейдоскопом событий и мельканием персонажей, судьба которых не будет вам ясна до последнего абзаца, а до него пока еще далеко...

Признаюсь, я пока, хотя и редактор, не дочитал это произведение до конца – знаю лишь фабулу на два номера. Делаю это потому, что хочу вместе с вами узнать: кто же он – этот самый Соломон? В нашей истории, да еще в нашем городе, под этим именем может скрываться кто угодно: библейский царь, владелец школы бальных танцев, ваш дедушка, мой сосед... И у каждого – свое волшебное кольцо, своя скрипочка, своя отмычка – почему бы и нет?

Авторы романа – Сергей Кравцов и Екатерина Бойчук – публикуются у нас впервые, более того, лишь один из нас (членов редколлегии) знаком лишь с одной из них – с Екатериной. И это тем более интересно и любопытно – новые имена в одесской прозе, да еще такие выдумщики, затейники, ехидные и начитанные, черпающие вдохновение у Булгакова и Ильфа-Петрова, раннего Шкловского, молодого Каверина, Да еще у авторов старинных плутовских романов, да у...

«Отмычка Соломона» – яркое выражение бодрящего, не испорченного хандрой постмодернизма, он эклектичен, как и многое в Одессе: здание оперного театра, литературный Юго-Запад 20-х годов, со временем местами ставший классикой.

Есть еще одна причина того, что редколлегия пошла на столь необычную – пролонгированную публикацию романа. В какой-то мере это внушает еще большую уверенность в том, что наш альманах будет выходить долго.

Кем бы ни был загадочный Соломон, но, несомненно, у него большие связи и возможности.

Феликс Кохрихт

Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
Иосиф Бродский

Фирма «Иблис»

Все знакомые считали Пашу нормальным пацаном, с которым можно иметь дело. Хотя многие из его друзей знали Пашу с детства, но мало кто догадывался, что больше всего Паша хотел стать героем. В жизни с героизмом у него все как-то не складывалось. Отучившись на кредитно-экономическом факультете, Паша занимал разные посты в бизнес-структурах, и хотя многие из тех операций, в которых он принимал непосредственное участие, были очень опасны, героем его никто не называл. А так хотелось! Хотелось подвига, хотелось славы и восторженных поклонниц.

После случайного знакомства с фирмой «Иблис» все переменялось. Даже окружающие стали замечать изменения в финдиректоре компании. Он стал уверенней и как-то солидней. Иногда разговаривал с сотрудниками, глядя куда-то сквозь них, некоторые даже оглядывались. А молодых женщин, имевших на него определенные виды, вообще перестал замечать.

Паша стоял посреди арены огромного амфитеатра. Солнце в зените блистало на его доспехах: на золотом панцире с изображением оскаленного льва и золотом шлеме в виде орла с растопыренными золотыми крыльями, лежащими на плечах героя. Алый плащ волочился за ним по арене. Через подошвы сандалий Паша ощущал тепло песка.

Паша поднял меч и помахал им в сторону центральной ложи, где возле пустого кресла из слоновой кости с золотыми подлокотниками (его кресла!) сидела блондинка ослепительной красоты. Бриллианты ее диадемы бросали зайчики по всему амфитеатру.

Паша взмахивал мечом, а трибуны ревели от восхищения.

Наконец, получив удовольствие от общения с народом, Паша отстегнул золотую пряжку, и шелковый плащ с шелестом стек на арену.

Трибуны затихли.

Открылись ворота, и на песок вышел огромный лев. Лев постоял, щурясь на яркое солнце, рыкнул и направился в центр арены.

Паша стоял без напряжения, слегка прикрывшись щитом и опустив правую руку, мечом почти касаясь арены. На лице у него играла улыбка.

Лев угрожающе рыкнул и бросился вперед. Вот он достиг героя и прыгнул на него с расчетом вонзить клыки прямо в шею.

Павел наблюдал, как лев, распластавшись, медленно летел в воздухе. Видел его желтое брюхо в пятнах. Горячий ветер доносил густой запах зверя. Время почти остановилось. Эти мгновения Паша особенно любил.

Передние лапы Павел отбил щитом и, когда грудь льва стала проплывать над ним, одним неуловимым движением проткнул мечом грудную клетку хищника вместе с сердцем.

Пролетев над головой героя, лев тяжелой мертвой тушей грохнулся на арену. В его груди по рукоять торчал меч. Щит валялся рядом.

Паша поднял руки и обернулся к трибунам. Амфитеатр взорвался аплодисментами.

Повернувшись к своему креслу и своей красавице, Павел увидел, что бриллианты ее диадемы слепят совсем не его. Возле блондинки отирался какой-то субъект в малиновой тоге. Его лысина в обрамлении лаврового венка блестела, как диадема.

Нахал, присев на подлокотник Пашиного кресла, рассказывал Пашиной любимой что-то веселое, и она ему благосклонно внимала.

Амфитеатр ревел, но эта парочка ничего не слышала. В довершение всего лысый, картинно откинув край тоги, окончательно угнездился на Пашином троне.

Этого Павел вынести не мог. Он окинул взглядом арену, где из центральных ворот должна выезжать его золотая колесница, запряженная четверкой белых лошадей с плюмажами из страусовых перьев. Но ворота были закрыты, и только гирлянды цветов колыхались на краю барьера.

Вдруг шум на трибунах затих, и Паша обратил внимание, что все смотрят на наглого лысого в его кресле. А тот, перейдя уже все дозволенные приличия, беседовал с его, Пашиной, женщиной, держа ее за коленку. Павел окончательно вскипел, но тут лысый взмахнул рукой, ворота открылись, и на арену выбежали сразу три льва. Львы были здоровенные и тоже наглые. Такие же наглые, как и тот, что их послал.

Безо всякой рекогносцировки они скачками помчались с трех сторон прямо на Пашу, стоящего без оружия посреди арены.

Через минуту все было кончено. Паша, почти совершенно мертвый, с перекушенным горлом лежал на песке. Один лев, пристроившись рядом, слизывал кровь, сочившуюся из разорванной артерии. Кровь с переменным успехом пыталась впитаться в песок. Рядом валялся пурпурный плащ.

– Надо было еще и сандалии отбросить, – подумал Паша. – Ну, погоди, Соломон, доберусь я до тебя завтра! Постоянному клиенту такую туфту подсунуть! Ну, хорошо, геройская смерть, а это еще что за сволочь в моей ложе? Це ж, блин, вообще!

Солнце село. За окном в теплом бархатном тумане дремали деревья, сонно роняя на влажный асфальт желтые и малиновые листья. На мраморном подоконнике офиса в полутьме тихо догорала старинная терракотовая масляная лампа, и от тоненькой струйки дыма разливался аромат корицы. Было тихо, только звук падающих капель крови тревожил тишину.

Петя

У Петра Ивановича Пчелкина был очередной экономический кризис. Нельзя сказать, что кризис подкрадывался так уж незаметно. Он подходил, не кроясь за временными успехами, а медленно наступал во весь рост. Вот это как раз и обманывало.

Казалось, что бизнес к концу подойдет еще нескоро, и за это время что-нибудь придумается.

И вот, когда при ближайшем рассмотрении долгов стало больше, чем возможного заработка, а этот самый заработок начал принимать все более эфемерный вид, Петя понял, что пора искать запасной аэродром. То есть работу, на которой можно переждать до лучших времен. С ним и раньше случались такие спады и черные полосы. Он так и не научился их предотвращать, но зато начал их предвидеть.

Проходя вдоль забора какой-то стройки, Петя пробежал глазами различные объявления с кричащими заголовками: «Работа!» и «Стабильный доход!». Объявления предлагали работу с малой вероятностью заработка вообще, а тем более большого.

– Мы это уже проходили, – подумал Петя, – пусть теперь молодежь ловится, которая не слушала в институте курс научного коммунизма. Дешевое кидалово, основанное на законе больших чисел.

И тут его внимание привлекло объявление, написанное авторучкой фиолетовыми чернилами.

Объявление гласило: «На высокооплачиваемую работу требуется ответственный и пунктуальный ЧЕЛОВЕК. Работа не с людьми и не сетевой маркетинг». И телефон.

– О, это уже что-то интересное, – подумал Петя, – это, конечно, какой-то маньяк со своей параноической идеей. Вряд ли у него есть деньги, раз даже нет компьютера, чтобы напечатать объявление. И еще это выделение слова «человек». Пользы от этого не будет, но ради развлечения можно побеседовать с чудаком. Им на ум иногда приходят оригинальные идеи.

Петя сорвал с забора объявление целиком и положил в нагрудный карман. Совесть его не мучила – отрывных телефонов на объявлении не было, а требовался только один человек, так что объявление свое отслужило.

Вечер был жаркий, после дождя парило. Петя прошел еще кварталчик, пытаясь объяснить себе, что он не просто так идет, а гуляет на свежем воздухе, и при этом ему в голову должны приходиться умные мысли.

Стемнело. В свете фонаря два огромных бражника, жужжа, кормились на цветах петунии.

– Вот так не сеют, не жнут, а потом зима, – подумал Петя.

Идеи не появлялись, дышать было нечем. В свете прожектора перед строящимся зданием сидели две крысы и мирно беседовали. Петя плюнул в середину лужи, сел на троллейбус и поехал домой.

Петр Иванович жил на Черемушках в двухкомнатной квартире панельной девятиэтажки. Когда-то в квартире жили его родители, а также кошки, собаки и белые крысы, а теперь в одной комнате жил Петр, а в другой в больших аквариумах плавали его рыбы. Рыбками Петя занимался с детства. Раньше просто держал их, а они дохли, потом уже не дохли, и он научился их разводить. Разведя одних рыбок, Петя приобретал других и тоже добивался их разведения. Возникали проблемы с реализацией большого количества мальков.

Потом времена любителей прошли. На рынке торговали одни профессионалы.

Петя пытался организовать большое рыбоводческое хозяйство, но из этого ничего не вышло. Не хватило ни денег, ни настойчивости. «Любое дело нужно доводить до конца. Если бить все время в одну точку – то результат будет», – говорил один его товарищ. Но Петя считал своей сильной стороной как раз способность спрыгнуть с подножки поезда до того, как он сойдет с рельс. И даже гордился этим, справедливо считая, что если есть колея, то этот поезд не последний. Но с колеями последнее время стало плоховато.

Теперь большая часть комнаты была заставлена стойками с аквариумами. Петя всегда предпочитал цихлид, считая их много умнее остальных рыб. Цихлиды не едят свою икру, а заботятся о ней, промывая ее свежей водой. Они по очереди стоят над икрой и шевелят плавниками, создавая ток воды. Время от времени проверяют кладку, удаляя порченные икринки. А потом, когда личинки выклюнутся, осторожно переносят их во рту на другое место, а через пару дней начинают их пасти и за ними ухаживать.

Пете очень нравилось смотреть, как оба родителя выгуливают облачко мелюзги по аквариуму. Иногда он только для этого и разводил рыбу, а потом не мог пристроить мальков.

Вот и сейчас, придя домой, Петя поставил чайник на плиту, взял мотыль из холодильника и пошел к своим аквариумам.

Из большого аквариума, декорированного камнями и кустами эхинодоруса, его заметил самец цихлозома Меека. Он как раз со своей дамой вывел на прогулку малышей.

Горло и жаберные крышки цихлозома покраснели. Он растопырил жабры, чтобы казаться значительней, и сделал выпад в сторону Пети. Нечего, мол, болтаться возле моей территории!

Самка в это время быстренько собрала свое потомство в ямку.

– Ты же не петух, что бы на всех кидаться, – сказал ему Петя, – хотя, конечно, дети!

И стал бросать цихлозомам мелкий мотыль. Родители принялись кормить своих чад, разжевывая и выплевывая червячков. Мальки, как цыплята, собрались вокруг мамы с папой, подбирая измельченный корм.

Может быть, ради вот таких сцен Петя и разводил умную рыбу.

В другой комнате зазвонил телефон – звонила Петина подруга, Галочка.

– Слушай, Петечка, – затараторила она, – ты читал последний номер газеты «Тупик»?

– Это что еще за газета?

– Как, ты не знаешь эту газету? Ее же сейчас все читают. В ней же есть интервью с кем попало, то есть с кем угодно, а в конце конкурс грудей печатается.

– Так ты собираешься в конкурсе поучаствовать? Ну, в общем, дело хорошее, может, какое место займешь, и реклама опять же.

– Ну, ты гад, опять прикалываешься, что я тебе позвонила о своих сиськах рассказать?

– А о чем?

– Вот, слушай. В этой газете статья была про контактера с космосом. Валера его зовут. Сам лысый, и попугай у него на плече сидит тоже лысый. То есть ни одного на нем перышка, кроме хохолка, аж жутко. Этот Валера был запойным алкоголиком. И вдруг прилетает к нему этот самый попугай.

– Как же он прилетел без перьев?

– Не придирайся к мелочам. Прилетает этот попугай и говорит, что он связной с космическим разумом, и что у Валеры теперь галактическая миссия, и теперь он посланец космоса.

– Ну, в общем, «белочка» его посетила, в виде попугая.

– И никакая не «белочка», а Валера с попугаем там, на фотографии, вдвоем напечатаны. Валера с тех пор пить бросил и людей спасает.

– От чего же он их спасает, от избытка денег, как у таких вот оккультных спасителей водится?

– Это тоже, но он очищает людям карму прямо на сцене. Выходит человек с плохой кармой, а уходит со сцены с хорошей, и ничего уже ему в следующей жизни не грозит. А кроме того, у человека устанавливается связь с космосом.

– А как это?

– Я точно не знаю, но только ты уже не только житель Земли, но и жителем всей галактики становишься. Жить ты там, конечно, не можешь, но прописка как бы у тебя уже есть. И когда он свои сеансы проводит, над этим городом НЛО кружатся, так в газете написано.

– Желтая твоя пресса, и пишет что попало, лишь бы тираж был.

– А где ты видел газеты другого цвета? – возразила Галочка. – В них тоже иногда правду пишут.

Петя представил себе, как Галочка поджала губки.

– Вот я тебе газету принесу – сам прочтешь, Фома неверующий.

Они еще немного поболтали ни о чем, условились о встрече и попрощались. Петя пошел дальше кормить скалярий, которые возмущенно тыкались носами в стекло в ожидании корма.

– А грудь у Галочки действительно хорошая, – подумал Петя между прочим.

* * *

Одеваясь на следующее утро, Петя среди выпавших из карманов брюк денег, ключей и бумажек обратил внимание на сорванное с забора стройки объявление. Если брюки вешать на спинку стула, а потом поднимать за штанины, из карманов высыпается много полезных предметов. Это и к лучшему, заодно контролируешь содержимое. Вот и сейчас, найдя забытое объявление, Петя решил тут же им воспользоваться. Он иногда развлекался тем, что звонил по очень закамуфлированным иносказаниями и посулами объявлениям и с удовольствием

узнавал, что это все-таки «Гербалайф» или сетевой маркетинг в иной форме.

Петя набрал номер, и трубку тот час же сняли, как будто его звонка ждали. Приятный мужской голос произнес:

– Доброе утро. Фирма «Иблис». Слушаю вас.

– Я по поводу объявления о работе.

– Да, да, конечно, мы давали объявление. Вакансия есть. Я надеюсь, вы человек, э-э-э, я имею в виду, ответственный и пунктуальный.

– Я бы хотел, чтобы обо мне так думали.

– Вот и прекрасно, приходите к двенадцати тридцати. Если сможете сегодня, – и мужчина назвал адрес.

Поднявшись лифтом на седьмой этаж девятиэтажного здания в центре города, Петя пошел по длинному коридору искать комнату номер семьсот двадцать три. Когда-то в этом здании помещался какой-то НИИ, а теперь его комнаты занимали бесчисленные офисы. Остановившись у двери с номером 723, Петя посмотрел на часы – было двенадцать двадцать.

– Проявим пунктуальность, – подумал он и подождал еще десять минут.

Постучал, услышал «Да, да» и вошел. В небольшой комнате с одним окном стоял письменный стол с компьютером, книжный шкаф с папками, полочка с какими-то сосудами сувенирного вида. На стене висели несколько вымпелов и карта мира. В нее небрежно были воткнуты разноцветные флажки.

За столом в кресле на колесиках и с высокой спинкой восседал толстенький лысый субъект. Несмотря на жару, он был одет в темную тройку и галстук. Цвет костюма соответствовал цвету кресла, а так как толстяк заполнял его полностью, то создавалось впечатление, что он с креслом одно целое.

– Заходите, заходите, присаживайтесь, – громко произнес толстячок, пытаясь отделиться от кресла и показывая на стул рядом со своим столом. Отделиться ему не удалось, тогда он просто подъехал к краю стола поближе и протянул Пете руку.

– Соломон Давидович, исполнительный директор, – представился он и энергично пожал Пете руку.

Петя тоже представился.

– Так вы к нам по объявлению – очень хорошо! Давно ищем подходящую кандидатуру. Возраст, образование, навыки роли не играют – главное, чтоб человек был хороший. А мне кажется, что вы нам подойдете, – одним духом выпалил исполнительный директор и замолчал, оценивающе глядя на Петю.

– Разрешите спросить: в чем заключается работа? – поинтересовался Петя, прервав паузу.

– Сущие пустяки, сущие пустяки! – опять скороговоркой заговорил Соломон Давидович. – Заправлять масляные лампы. Вы видели когда-нибудь масляную лампу? В кинофильмах про Аладдина показывают, что в них джинны живут. Ну, допустим, они там не живут, но не в этом дело. Вот, посмотрите, на полочках стоят. Можете взять, посмотреть, потрогать.

Петя подошел к полке и снял с нее красивый керамический сосуд, напоминающий небольшой чайничек, даже имелся носик, но оттуда торчал фитиль. Лампа была старая, потертая. На боках причудливые узоры, напоминающие арабские буквы, которых Петя, естественно, не знал. Петя покрутил лампу в руках и осторожно поставил на полку.

– Вот в такие лампы нужно будет наливать масло. Вы тут еще посмотрите, а я на минуточку.

Соломон Давидович на удивление ловко отклеился от своего кресла и мгновенно исчез за дверью, которая вела в соседнюю комнату.

Петя, оставшись один, подошел к карте мира. Флажки стояли на территории Ирана, Узбекистана, Восточной Турции и Северного Урала. Посмотрев карту, Петя решил в отсутствие хозяев сесть и не маячить, но, проходя мимо двери, задержался, услышав голоса.

Голос толстячка кого-то убеждал:

– Да ты посмотри, какой у него ангел-хранитель – это же матерый ангелище, ему же все нипочем. Этого Петю можно без парашюта с самолета сбросить и перед этим проклясть – и ему ничего не будет!

– Все это так, но справится ли он, тут испытательный срок не поможет, – сомневался чей-то бас.

– Ну, мы ему поможем, проконтролируем, – не унимался директор, – ведь уже две недели без человека.

– Ладно, ладно, – согласился бас, – под вашу, дорогой Давидыч, ответственность.

Петя быстро сделал шаг и сел на свой стул.

– Тоже мне, все они уже решили, может, я еще не соглашусь, – подумал Петя. Он еще собирался подумать о хозяевах офиса какую-нибудь нелестную мысль, но тут дверь распахнулась и, сверкая довольной улыбкой, вкатился Соломон Давидович.

– Если зарплата в тысячу долларов в месяц вас устроит, то мы вас берем, – увидев округлившиеся глаза Пети, быстро добавил: – Конечно, это для начала.

Возражения застряли у Пети в горле, а глава филиала продолжал:

– Если вы не возражаете, рабочий день, точнее – ночь, у вас будет три часа, с двенадцати до трех. С двенадцати по поясному времени, а не по декретному и летнему. То есть с часу или двух ночи. Все дело в том, что наша фирма продает лечебные масла. Масла обыкновенные, но к ним добавляют различные ингредиенты, которые при горении создают лечебный эффект. А потому переливать их можно исключительно ночью, так как невидимые лучи, проходящие через все днем, могут их разрушить.

За время этой речи толстячок успел ускользнуть за свой стол и опять слиться с креслом.

– Вот с завтрашной ночи и приступите, – и Соломон Давидович назвал адрес.

Сильно ошарашенный, Петя кивнул и на нетвердых ногах вышел в коридор. «Все, везу Галку в Париж, посмотрим, что это за Сен-Шапель такая», – подумал он.

Редькин

Борис Александрович Редькин был деятелем еще той формации, когда слово «бизнес» было экзотикой, а занимались им где-то на очень загнивающем Западе. У нас же уважаемые люди делали свои маленькие «делишки», ибо «дела» были исключительно у прокурора.

Когда-то в молодости Борис Александрович был Борухом Срульевичем Зойберманом. Но потом он женился на девушке

из хорошей семьи по фамилии Редькина. Откуда в приличной семье взялась такая фамилия, это отдельный разговор.

Когда подросли дочери, то они почему-то не захотели по паспорту именоваться Боруховнами. И тут уже ничего не сделаешь – пришлось менять имя. Отчество же изменилось как-то само собой за небольшую сумму при обмене паспорта при переводе на украинский.

Пункт общественного питания, которым многие годы руководил Борис Александрович, исправно кормил не только общественность, но и его семью, и вышестоящих товарищей.

Времена изменились. Столовая из государственной сначала стала кооперативной, а затем и окончательно частной собственностью Бориса Александровича. Технику этого процесса освещать не будем, да она нам уже и не пригодится – прошло время.

В душе Редькин считал себя неудачником. Раньше он не стремился на более ответственный пост, например стать директором колбасной фабрики или управляющим главком. Мороки много больше, а выгоды вряд ли. Дачка, жигуленок, квартирка, так и у него это все было. Но вот теперь «они» стали хозяевами вот этих самых заведений, пусть даже и переименованных до неузнаваемости. А вот Редькин – бедный частный предприниматель, что обидно.

Дела, впрочем, шли не так плачевно. На маленькие радости жизни тоже хватало. На девочек уже как-то не тянуло. Что-то в них неуловимо изменилось, нынешние девочки не производили уже того впечатления, что давешние. Еда приелась.

Конечно, увеличение материальных возможностей открыло бы новые горизонты. Путешествия и приключения. Сафари и дельфины южных морей у носа собственной яхты. А тут и всего сафари – это поход в районную налоговую. И вообще, зачем нам такие приключения, когда охотятся на нас?

Тьфу, черт – не к ночи будь помянуты!

И вот однажды в небольшом ресторанчике, который находился достаточно близко от центра города, чтобы быть приличным, и достаточно далеко, чтобы иметь умеренные цены, Борис Александрович встретился с неким Соломоном Давидовичем. Редькин любил посещать конкурирующие заведения. Это как-то отвлекало от процесса приготовления пищи, переносил акцент на ее потребление. И опять же попадались приятные собеседники,

с которыми было приятно выпить и побеседовать о том, о сем. Заниматься тем же в собственном кафе было себе в убыток.

Когда упитанный джентльмен лет сорока пяти в дорогом костюме вошел в ресторанчик, Редькин сразу понял, что это именно тот человек, с которым будет приятно поговорить.

Новый посетитель уселся в кресло, немного поерзал в нем, как бы примеряя его на свою фигуру, потер толстенные ручки, не спеша открыл меню и начал его изучать. Было заметно, что в этом процессе для него есть что-то ритуальное. За каждым названием для него стояло блюдо со вкусом и запахом, а может, и весь процесс приготовления. Посидев над меню минут двадцать, сосед Редькина заказал стейк из говядины, порцию спаржи и бокал красного вина.

Борис Александрович отметил, что вино, как говорится, «на все деньги». Он налил себе рюмочку водочки на клюкве и, произнеся «Ваше здоровье», выпил, закусив кусочком фаршированной рыбки.

«Рыба фиш» была фирменным блюдом этого заведения, и Редькин давно задумывался: а не переманить ли к себе повара? Обычно Редькин встречал здесь кого-нибудь из знакомых, но сегодня почему-то никого не было. Но это же не повод, чтобы не выпить рюмочку водки и не пожелать здоровья соседу по столу? Тем более что рюмочка была не первая.

Тут на удивление быстро принесли порцию жареного мяса с горошком, картошкой фри и петрушкой, тарелку со стеблями спаржи, соусом к ним в соуснике и бокалом вина.

Толстячок поднял бокал, посмотрел вино на свет, понюхал его и, оставшись довольным, произнес ответное «Будьте здоровы», пригубил его. Затем этот гурман отрезал маленький кусочек жареного мяса, положил на него кусочек спаржи, макнув перед этим его в соус, медленно с удовольствием разжевал и проглотил. Сделав паузу, он заметил:

– А стейк все же лучше всего готовят в Аргентине. Какое там свежее мясо! Вот только что бычок траву щиплет – и уже на решетке над углями лучшие куски.

– А вы в Аргентине бывали? – задал вопрос Редькин для поддержания разговора, ведь ответ на него уже был получен.

– Бывал, конечно, бывал, – подтвердил толстячок. – Я, знаете ли, во многих местах бывал, где хорошо кормят.

– Да, это было бы неплохо прошвырнуться этак по ресторанам мира, так сказать, пробу снять, – задумчиво произнес Редькин, дожевывая кусочек атлантической селедочки. – У нас, конечно, тоже можно практически любое блюдо попробовать, но, однако же, нюансы.

– Вот-вот, именно нюансы! – подтвердил всеведущий толстячок. – Или вы едите устрицу, с которой еще капает море, в котором она плавала, или ее везли пять тысяч километров и морозили при этом.

– Устрицы не плавают, – автоматически поправил Редькин.

– В море – нет, но когда она плавно всплывает в твое горло – это что-то! Опять же трепанги и маленькие осьминожки очень даже плавают.

Редькин никогда не ел устриц, а тем более трепангов, но сосед по столу так вкусно о них упомянул, что Борис Александрович глотнул слюну и налил себе еще клюквенной.

– Вы, наверное, во многих странах бывали? – поинтересовался для поддержания разговора Редькин. – По долгу службы или как турист?

Тут он подумал: «Какое мне дело, чтобы расспрашивать незнакомого человека?». Но все же хотелось понять, кто перед ним сидит.

Толстячок, ни капли не смутившись, съел еще кусочек мяса, макнув его в соус, запил глоточком вина из бокала и, промокнув салфеткой пухлые губы, поудобнее уселся в кресло и ответил:

– Можно сказать, и то, и другое. Я бываю в разных уголках мира и по собственному желанию, и по делам фирмы, которую представляю. Вот, прошу вас!

Он достал из внутреннего кармана визитную карточку и протянул Редькину. На карточке голубым по золотому фону шла стилизованная под арабскую вязь надпись:

Фирма «Иблис»: ваше желание – для нас закон
Исполнительный директор Бухерман Соломон Давидович
Адрес и телефон

Редькин прочел карточку, положил ее в карман и представился:
– А меня зовут Редькин Борис Александрович. В некотором роде предприниматель. Ресторанчик у меня небольшой. Можно сказать, кафе. Выбор блюд тоже небольшой, но готовят хорошо. Не количеством, но качеством, так сказать. Он порылся в барсетке и тоже достал карточку с надписью «Редькин Борис Александрович. Ресторан «Луна и гвозди», одесская кухня, кошерные блюда».

Редькин протянул карточку новому знакомому, тот глянул на нее, привстал, протягивая руку. Редькин пожал ее со словами «Будем знакомы», которые слились со словами «Очень приятно».

– За знакомство, – предложил Борис Александрович и налил себе рюмочку. Они чокнулись и выпили.

Соломон Давидович начал формулировать свой вопрос:

– Не скажете ли вы...

Но Редькин ему помог:

– Вы хотите спросить о названии ресторанчика?

– Собственно, да.

– Понимаете, это какие-то ассоциации из детства – «Вот уж эта работа доставать луну из болота и гвоздями к небесам приколачивать», или что-то в этом роде. И потом, на вывеске луна, прибитая гвоздем, выглядит оригинально.

– А ваше, как я понял, агентство названо в честь какого-то арабского черта. Вы специализируетесь в путешествиях на Восток?

– Да, наша фирма имеет отношение к путешествиям и приключениям, но почему же только на Восток? В любую часть света, в любое время и любые обстоятельства – это, можно сказать, почти наш девиз. А более подробно я вам с удовольствием расскажу, если зайдете к нам в гости.

– Да, конечно, проспекты, сувениры, фильмы.

– Да, что-то в этом роде.

И вдруг Соломон Давидович изменился в лице, как будто раскусил горошину черного перца, застрявшую в зубах, и стал махать проходившему по залу официанту. Не успел еще официант подойти к столику и принять позу внимания, а Соломон Давидович уже заказывал:

– Плов, две порции в одну посуду. Быстрее!

– Какой желаете?

– Безразлично, но быстрее!

На лице официанта отразились мысли типа: «Конечно, хозяин – барин, но тупо пожрать можно было бы и в столовой».

Через десять минут перед исполнительным директором на блюде дымилась горка желтого риса с шафраном, изюмом, барбарисом и целой головкой чеснока. А сверху были выложены кусочки баранины – благоухающие и истекающие жиром прямо в рис.

От такого натюрморта у кого угодно потекли бы слюнки. Только не у Соломона Давидовича. Он смотрел на блюдо с таким видом, как будто ему подалидохлогокота не первой свежести.

Не обратив внимания на отсутствие должного энтузиазма, Редькин заметил:

– Да, плов тут делают хорошо, особенно узбекский. Себе, что ли, взять порцию?

Толстячок посмотрел на него с осуждением, как на любителя именно несвежих котов, поморщился и приступил к поглощению плова, как к чему-то крайне неприятному.

Тем временем, нанюхавшись ароматов, исходящих с соседнего блюда, Редькин тоже заказал себе порцию плова и начал уничтожать ее под возлияния клюквенной с заметным аппетитом.

Фирма «Иблис»

Виктор Моисеевич летел на облаке. Облако было до того мягкое и теплое, что почти не ощущалось. Управлять им было одно удовольствие. Нажмешь правой ногой – летишь быстрее, отпустишь – медленнее. На что жать, было все равно – кругом облако. Высота и направление полета изменялись наклоном головы, и то не всяким, а когда надо.

Над Моисеевичем было чистое синее небо. Легкий ветерок играл краем облака, как котенок пледом, свисающим с дивана.

Невдалеке косяком летели лебеди. Повернув головы, они рассматривали обитаемое облако. Виктор помахал им рукой.

Облачко летело над мелким морским заливом. Вода была на удивление прозрачной. На дне был виден волшебный мир

цветных кораллов и губок. Между кораллами на песчаных прогалинах лежали огромные скаты и камбалы. В заливе несколько рыбацких лодок с балансирами ловили губок и трепангов. С облачка было хорошо видно, как на глубине ныряльщики извиваются между кораллами в поисках добычи.

Легкий бриз шевелил волны и гнал их в сторону города, который начал возникать за мысом. Сначала появились золотые шпили минаретов. Затем заблестели купола дворцов и храмов. И вот он появился весь – белый город его мечты.

Моисеевич сделал разворот над морем, чтобы еще раз полюбоваться панорамой города.

Голубое море переходило в бело-золотой город и опять в голубое небо – осень, красиво. Кое-где над куполами виднелись ковры-самолеты с сидящими на них волшебниками в больших пестрых чалмах. Но, конечно, на облачке, кроме Виктора Моисеевича, не летал никто.

Полюбовавшись городом и портом, в гавани которого стояли десятка два разнообразных суденышек «с разных концов света», как он любил думать, Моисеевич взял курс на зеленое пятно, видневшееся дальше на побережье за городом. Вскоре пятно стало превращаться в сад или парк, расположенный на рукотворных террасах. «Мои висячие сады», – как любил называть этот парк Моисеевич. Как образованный человек он знал, что висячие сады были построены много позже Семирамиды, и как они выглядели на самом деле, никто не знает. Но никогда не заморачивался этим.

Это был рай! Мусульманский рай со всем тем, что запрещено праведникам на земле. И, конечно, с гуриями. Каких только женщин здесь не было! И каждая красотой затмевала почти всех земных. И было их множество, и каждая пищала от восторга и вождения при виде Виктора Моисеевича.

Когда Моисеевич создавал свой рай, он задумался, куда попадают после смерти праведные женщины ислама, но ненадолго.

Утомившись от ласк красавиц и возлияний божественных нектаров, Моисеич возлежал на ложе, наслаждаясь аурой прекрасных женских тел и тенью широких банановых листьев. Перед ним на фоне морской глади переливалась на солнце райская птица, то расправляя, то опять складывая свою замысловатую пелерину.

Полуприкрыв глаза, Виктор наблюдал рассеянным взглядом прыжки дельфинов на горизонте. Не глядя, он протянул руку и погладил высокую смуглую грудь, которая тут же оказалась в ладони. Трогая пальцем сосок, Моисеевич думал, что жизнь хороша, по крайней мере пока горит фитиль простой глиняной лампы у него на тумбочке.

И вдруг он заметил, что горизонт покрывается белыми пятнышками квадратных парусов. «Все флаги в гости будут к нам...» – подкинула память цитату.

– Какие к черту флаги? Не должно тут быть ничего подобного.

Витя вскочил с ложа и подбежал к краю веранды. Угадав его желание, кто-то подал ему подзорную трубу.

Это были дракары викингов. Со всеми прибабамбасами: со щитами вдоль бортов и с головами драконов на носсах. Каждое судно было набито мужиками в шурах и рогатых шлемах.

– Мало того, что какая-то сволочь влезла в мой сеанс, так он еще и козел. Мог бы знать, что викинги не носили рогов на шлемах, – подумал Витя и стал оглядываться в поисках штанов.

Тем временем часть флотилии викингов подошла к городу, а несколько кораблей уткнулись носами в песок, прямо напортив висячих садов. Морда первого спрыгнувшего на песок показалась Вите чем-то знакомой. Вот разве что борода и шлем закрывали пол-лица. Бандиты, гогоча и размахивая топорами, полезли на первый ярус балконов.

Медлить было нельзя. Моисеич в чем был бросился к облачку, отдохавшему тут же в тени пиний, и дал газу.

В заднюю часть облачка воткнулись на излете несколько стрел, едва не достигнув филейной части водителя. Сзади из висячих садов раздавались совсем не испуганные взвизгивания одалисок.

Моисеич заложил вираж и на полном ходу стал удаляться в сторону моря. И тут он заметил, что облачко прямо на глазах истончается и тает прямо под ним. Из тех мест, куда попали стрелы, каплями, а то и струйками сочится дождевая вода.

– Парашют нужно было заказать, – успел подумать Виктор Моисеевич и полетел вниз, в море, с огромной высоты.

Редькин

Борис Александрович Редькин не спеша шел по Александровскому проспекту. Настроение у него было средней паршивости. Дела шли не очень. Приближался очередной платеж по кредиту за выкупленную комнату в прилегающем к его заведению подвальчике.

Появлялись мысли, что все это несправедливое свинство. Что раньше в этой части подвала без особого комфорта жили крысы и капала вода из канализации, а теперь светло, тепло и стоят столики.

И если по-честному, то это ему все должны были бы приплатить за доброе дело.

Борис Александрович прошел мимо памятника погибшим милиционерам и посмотрел на высеченные на плитах фамилии.

– Прямо как на кладбище, – подумал он. – И проспект переименовали в Александровский. Не нравился им проспект Мира. Мир он по-любому лучше, чем война. А вот Александра Второго бомбочкой того. Да, и я что-то себя в последнее время неважно чувствую.

– Ты это прекрати! – скомандовал Редькин сам себе, – жизнь прекрасна и удивительна, а кто кому должен – это вообще вопрос относительный.

А вот сейчас зайду-ка я в контору этого симпатичного толстячка – она совсем рядом – пообщаюсь с приятным человеком, проспекты посмотрю. Может, действительно съезжу куда-нибудь.

Первый этаж здания занимали дорогие магазины, но остатки проходной и старый скрипящий лифт выдавали былое научно-техническое предназначение здания.

Соломон Давидович встретил Редькина как родного. Пригласил в соседнюю с кабинетом комнату для особых гостей.

Два глубоких кожаных кресла были придвинуты к чайному столику розового дерева. На соседнем столике располагался серебряный кофейник на подносе и две маленькие фарфоровые чашечки с изображениями драконов. Кофейник только что закипел, но на всякий случай под ним была приспособлена спиртовая горелка.

Редькин сел в кресло, и ему показалось, что кресло обволакивает и поглощает его. До такой степени оно было мягким и уютным.

– Немножко коньячку в кофе? – донеслось откуда-то издалека.

– Да, спасибо, – ответил Редькин кому-то, и перед ним задымилась на столике чашечка, распространяя удивительный аромат.

Редькин сделал глоточек и понял, что до сих пор не имел понятия ни о кофе, ни о коньяке.

– Обыкновенная арабика, – донеслось из недр соседнего кресла в ответ на его восторженное причмокивание. – Просто мы его умеем заваривать.

– Да, восхитительно, восхитительно, – наконец сформулировал свое впечатление Редькин. – Если и остальные дела вы завариваете так же, у вас, наверное, нет отбоя от клиентуры.

– В общем, не жалуемся, но, конечно, хотелось бы расширения дела. И возможности для этого есть.

Редькину разговор стал положительно нравиться. Он вообще любил общество преуспевающих людей. Человек, которому для счастья не хватает пару миллионов, ему всегда был симпатичней мечтающего о десятке-другой.

– И какие сейчас маршруты народ предпочитает – коммерческие или развлекательные? Раньше народ остатки страны продавать ездил, потом уже сюда везли. Представьте, у меня есть знакомый, который множество раз был в Стамбуле и не разу не видел мечеть Софии, – проявил свою осведомленность в вопросах туризма Редькин.

– Да, дела, дела, – подтвердил из своего кресла Соломон Давидович. – Нет, мы бизнес-турами не занимаемся. Только развлекательными. Но и развлекается народ по-разному. Одним просто красоты подавай, другим впечатления, третьим переживания, приключения разные. Даже опасности некоторые пережить хотят – встряхнуться, так сказать.

– И вы все это можете предоставить?

– Практически все. В сложных случаях нужно подождать недельку-другую.

– А можно ознакомиться с вашим каталогом путешествий, с прейскурантом? Может быть, кое-что на себя примерить?

– А вот программки с фотографиями, маршрутами и описаниями я вам предоставить не смогу. Все путешествие, приключение и прочую фантастику вы проделываете в собственной голове, не выходя из собственной комнаты, из своего кресла, если хотите. Кресло и является основным транспортом нашей фирмы, за что и ценим.

Соломон Давидович приподнялся, глянул на гостя из-за подголовника и опять погрузился в сидение.

«Разве что круги не пошли», – подумал Редькин.

– То есть вы гипнотизируете клиента или пичкаете наркотиками, а он вам потом за эти кошмары платит? Дело, конечно, выгодное, но вряд ли в моем лице вы найдете клиента. К наркотической зависимости я отношусь крайне отрицательно, даже алкоголем не злоупотребляю.

– Помилуйте, при чем же тут наркотики? – удивился Соломон Давидович. – Наркотики открывают часть мира, который есть, изменяя сознание. Мы же ничего подобного не предлагаем. Никакого изменения сознания. Мир изменяется вокруг вас, и, заметьте, в заранее заказанную вами сторону. А насчет привыкания, так можно пристраститься и к сериалам, и к рыбалке, и к игре в крестики-нолики. И вообще, разве я похож на торговца наркотиками?

«Вот ты как раз очень даже похож – тюлень ушастый», – подумал Редькин, – лапшу мастер вешать. Не на того напал».

А потом сказал:

– Я так не говорил, и прошу простить меня, если я дал повод так подумать. Но, однако же, странно все это и не совсем укладывается в голове. Вы сказали, что у вас хорошо идут дела и достаточно клиентов. Может, найдутся общие знакомые, так сказать, в качестве рекомендации?

– Вообще-то, мы своих клиентов не называем, но для пользы дела, пожалуй, вот, – Соломон Давидович на секунду задумался, потом просиял и сообщил: – Один наш старый клиент вам хорошо знаком – это директор Одесского филиала Укрклептобанка Пирожков.

Теперь задумался Редькин: Пирожков был той еще сволочью, но никак не наркоманом, и с ним вполне можно было иметь дело.

– Это хорошая рекомендация,– наконец сказал он. – Пирожков человек обстоятельный и деньги считать умеет. И куда он путешествует? – как бы между прочим поинтересовался Редькин.

– А вот этого я сказать не могу – тайна клиента для нас дело святое.

– А если поинтересуются соответствующие органы? – продолжал любопытствовать Редькин.

– Во-первых, они не поинтересуются, и, поверьте, на это есть причины, во-вторых, сидеть в кресле и представлять себя наблюдающим восход солнца над сельвой с пирамиды Теночтитлана никаким законом не запрещается.

– Если это так, то предложение не лишено заманчивости, – задумчиво сказал Редькин.

Он сложил руки на животе и, склонив голову на грудь, принял позу для мыслительного процесса.

Соломон Давидович тоже затих в своем кресле, не мешая клиенту дозревать.

Минут через десять Редькин очнулся, расцепил руки, пожевал губами, формулируя мысль. Потом допил кофе одним глотком и сказал:

– И что вы мне можете предложить на пробу, и сколько это будет стоить?

– Вообще-то, уважаемый Борис Александрович («Имя-отчество запомнил», – подумал Редькин), определенные путешествия и приключения у нас заказывают за две недели на бланке. Если человек не может изложить основные идеи и требования сам – ему помогает специалист. Естественно, с гарантией конфиденциальности. Но в рекламных целях у нас есть путешествие в один из самых счастливых дней вашей жизни, если желаете попробовать. Это ничего не стоит. Так сказать, рекламная акция.

– И где это можно будет попробовать?

– Да прямо здесь, в этом кресле.

Соломон Давидович вышел в приемную, было слышно, как он открывает сейф, и вернулся с глиняным светильником. С таким же, какие Редькин уже видел на полочке и принял за сувениры.

Носик лампы был заткнут пластмассовой пробочкой.

– Вот, пожалуйста, – сказал директор и поставил лампу на столик рядом с Редькиным. – Если вы не против, то можно

и начинать. Сейчас я зажгу лампу и с вашего позволения уйду. Не буду вам мешать.

– А я?

– А вы сидите себе, отдыхайте, не напрягайтесь. Можете смотреть на огонек лампы, но это не обязательно.

Толстячок зажег фитиль лампы и выкатился в приемную, плотно прикрыв за собой дверь.

«Вот сейчас появится джинн», – подумал Редькин. Но ничего такого не появилось. А появился стол на открытой веранде, выходящей в сад. И ветка цветущей яблони была совсем рядом.

Ему десять лет. Сидит он за столом с мамой и папой и пьет чай. В то незабываемое счастливое лето у тети на даче в Еническе. Вот сейчас они допьют чай с тепленькими булочками и абрикосовым повидлом и пойдут с отцом на берег ловить бычков, которых тут в Азовском море только успевай вытягивать.

Солнце еще не горячее, а ласковое, пробивается через листву абрикосы и копну рыжих волос у мамы на голове.

А потом они с папой идут через весь город с удочками и рыбацким ящиком. Им встречаются папины знакомые – он отсюда родом. Все говорят: «Сын у тебя, Саша, совсем большой! Настоящий рыбак».

Жалко, не видит его Светка из его класса. Проходят полквартала. И вот она, Светка. Выглядывает из-за чьей-то калитки и машет ему рукой. Боря машет в ответ и продолжает вышагивать, как ему кажется, походкой заправского рыбака.

Солнце лучилось счастьем, и море счастливо искрилось блестками под его лучами. И Боре казалось, что это счастливое июньское утро 1960 года будет длиться вечно.

Когда исполнительный директор вошел в комнату для гостей, Редькин сидел в глубоком кресле и тихо плакал. Не перестал плакать он, даже когда Соломон Давидович подошел к нему и стал расспрашивать, что случилось, наливая в рюмку и протягивая гостю коньяк и блюдечко с ломтиками лимона.

– Зачем вы так? – первое, что сказал Редькин прерывающимся голосом, после того как отпил полрюмки коньяка, отказавшись от лимона.

– А что, что произошло, уважаемый Борис Александрович? – засуетился Бухерман.

– А вы еще спрашиваете? Сами же все подстроили. Этот гипнотический сеанс – сплошное свинство! И откуда в Еническе взялась Светка из моего класса?

– Дорогой Борис Александрович, ничего мы вам не подстраивали. Где находится Еническ, я понятия не имею. Вы должны были получить массу ощущений счастья и радости. Только то, что у вас ассоциируется с безмятежным и полным счастьем. Разве что-то произошло не так?

Редькин почти успокоился, допил коньяк и, шмыгнув носом, сказал:

– В общем, все так. Это действительно было все так, как вы сказали. Извините, к вам претензий нет. Но это самое счастливое воспоминание детства было для меня и последним. Весной умер отец. Где-то в нем повернулся осколок и пережал артерию. Знаете ли, чередя воспоминаний. Все так ярко. Как сейчас! Тогда все изменилось. Все.

Петя

Потушив свет, Петя стоял у окна и смотрел на улицу. Там было темно и сыро. Мокрый снег падал в грязь, красиво сверкая в свете уличного фонаря. Зачем Пете вглядываться в промозглую ночь, из объятий которой он вырвался только полчаса назад, он и сам не знал.

Может, просто было приятно еще раз убедиться, что здесь ему тепло и сухо. Сейчас он ляжет в постель и будет спать под теплым одеялом, а за окном пусть дождь со снегом хлупает у кого-то другого под ногами.

Насладившись контрастом, Петя уже хотел задернуть шторы и осуществить задуманное, как вдруг его взгляд упал на ветку клена, которая скучно покачивалась напротив окна.

На ветке, нахохлившись, сидели три пушистых комка величиной с футбольный мяч каждый. Сквозь пух слабо просвечивался фонарь, и снежинки в его унылом свете облетали эти комья стороной.

«Что за черт!» – подумал Петя, и вместо того чтобы перекреститься, пошел за фонариком. Не найдя его, Петя опять подошел

к окну и уставился на призрачные шары. Он уже стал различать в них то ли прижатые пушистые крылья, то ли какие-то странные рожи.

Но тут выехавший из переулка автомобиль скользнул по ветке лучами фар, и стало отчетливо видно, что на ветке сидят три здоровущих грача. Сидят и отражают свет на падающий снег блестящим черно-синим оперением.

«Что-то мне начинает чёрти что казаться, – подумал Петя на пути к постели. И уже совсем засыпая, подумал: – Эти ночные смены только для вампиров хороши – они все равно днем спят».

Утром Петя, отправляясь в гости к Галине, машинально глянул на ветку. Все четыре грача сидели на ней. Когда он прошел еще пару шагов, ему показалось, что с грачами было что-то опять не так. Петя задумался и вдруг понял, что один из грачей держал крылья перед грудью. Не может быть! Петр оглянулся: все четыре грача клином, как самолеты на параде, летели на остановку автобуса без единого взмаха крыльями.

«А я и не знал, что они умеют так далеко парить», – удивился Петя. Но грачи вырулили и уселись на ветку над остановкой.

Петя сел на скамейку, ожидая автобус, и вдруг увидел, что грачи отражаются в стекле ларька остановочного комплекса. Он стал за ними наблюдать. Сначала ничего не происходило, грачи оглядывались по сторонам и прохаживались по ветке. И вдруг вдалеке появился автобус. Все ожидающие повернулись к нему. И в этот момент Петя увидел, как один грач уселся на ветку, свесив лапы вниз, облокотился о ствол дерева и сложил крылья на груди. У Пети отвисла челюсть. Тут подъехал автобус. Пассажиры стали выходить из дверей. Самый крупный грач каркнул, и грачи исчезли, даже ветка не качнулась. Петя попятился и юркнул в автобус.

Фирма «Иблис»

На тумбочке зазвонил телефон. Женщина средних лет, лежащая на диване в халате, потянулась к трубке, с томной грацией оголив длинную стройную ногу. Дама была из тех женщин, которые не откладывают уход за телом на потом и имеют на это средства.

– Дашенька, ты знала Павлика? – спросил после приветствия знакомый голос из трубки.

– Конечно, я его каждую неделю вижу в бассейне – симпатичный мужчина.

– Его больше нет с нами, – произнес всхлипывающий голос.

– Погоди, погоди, Верочка, Паша никогда не был моим любовником, так что трагедию ты преувеличиваешь вдвое. Я тебе, конечно, сочувствую...

– Убили его, убили! – перебил ее голос с нотками истерики.

– Как, где, почему убили? – выпалила Дашенька после небольшой паузы, не очень согласовывая вопросы.

– Представь себе, приходит утром к нему в офис эта крыса, что у него там постоянно околачивается, заходит в кабинет, а там... – опять послышались всхлипывания. – Кровь вытекла из-под двери в приемную. Паша сидит в своем кресле весь в крови, голова почти оторвана, или даже откушена кем-то. На груди три разрыва полосами и в них ребра видны.

– Какой ужас! И ты все это видела?

– Да нет. Если бы я это увидела, то, наверное, умерла на месте. Там был Вовчик. Тот, который со мной в институте учился, а теперь в медэкспертизе устроился. Мы еще всегда прикалывались, что к нему на прием мы все успеем. И что главное – Паша сидит в кресле и улыбается. Голова у него на одной трахее висит, а он улыбается. Вовчик говорит, что, может, это какое-то ритуальное убийство, может, наркотики? Кровь его на анализ взяли.

В трубке опять послышались всхлипывания, а затем трубку положили.

Дама еще какое-то время держала молчащую трубку в руке, забыв положить на рычаг. Настроение было испорчено. Если бы убили какого-то абстрактного бизнесмена, застрелили, допустим, это известие не произвело бы такого эффекта. Смерть иногда относится к вредностям профессии. А когда получаешь известие о смерти знакомого человека, всегда становится немножко не по себе. А тут еще эта кошмарная смерть с откушением головы – бред какой-то. Или это Вовчик так подшутил? Все равно – настроение испорчено.

Даша встала, подошла к бару и налила в хрустальный бокал немного виски. Понюхала, поморщилась и пошла искать в холодильнике, чем бы это разбавить. По дороге ее взгляд упал на полочку, где рядом с фарфоровой лошадью стоял ничем не примечательный светильник из неглазурованной глины.

«Вот что мне сейчас нужно, – решила дама, снимая светильник с полки. – Алкоголь только усугубит состояние, а вот это развлечет, успокоит, поднимет настроение».

Дама поставила светильник на журнальный столик и, устроившись с ногами в глубоком кресле напротив, щелкнула зажигалкой.

Приход царицы Савской

И донесли царю Соломону, что к границе движется удивительная процессия – караван из слонов и верблюдов в сопровождении конных лучников. Это царица Сабы прибыла в гости.

Соломон всполошился, потому что никак не ожидал таких высоких гостей. Но делать было нечего, надо было принимать царицу и не ударить в грязь лицом. Он велел подать ковер-самолет и вылетел из дворца по направлению к границе.

Караван он увидел издалека и даже испугался столь впечатляющего великолепия. Стараясь быть незамеченным, он опустился в кусты и, укрываясь в зелени, пробрался почти к самой дороге.

Из-за холма показалась процессия. Впереди на четырех красно-коричневых скакунах двигались огромные полуголые черные воины с копьями и железными мечами. За ними в окружении пешеходов шли груженные слоны, мерно покачивая головами. Сверкали пурпурные попоны, расшитые золотом и блестками. Сияли копья. На втором слоне возвышалась беседка из черного дерева, украшенная золочеными изображениями солнца и луны. Дальше попеременно важно выступали то слоны, то верблюды, груженные тюками и ящиками. Их вели воины в разноцветных шелковых одеждах. На них тоже сверкало золото и грозно темнела сталь оружия.

По краю дороги по траве туда-сюда двигались черные лучники на белых лошадях с луками наизготовку, тоже полуголые,

в изумрудно-зеленых шароварах и в бирюзовых бусах на шее и ногах. На слонах было еще несколько беседок красного дерева, занавешенных шелковыми занавесками. Из-за занавесок доносилась музыка и женский смех. Над беседками в такт слоновьим шагам качались плюмажи из перьев страуса.

А рядом с этой великолепной свитой по зеленой траве шла царица Сабейская. И царь проклял свое мальчишество.

Это была царица. У Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Среди них были принцессы, надменные и капризные, избалованные поклонением с детства. И дочери знатных вельмож. И просто красавицы. Но ни одна из них не ходила так величественно и легко, как царица Македа, прекрасная Балкис.

Она была черной, и кожа ее отливала фиолетовым, а белые одежды только подчеркивали ее черноту. Она была великолепной и грациозной. С веселым любопытством царица глядела по сторонам, поворачивая прекрасную головку с гривой черных волос на длинной прекрасной шее. Золото ослепительно вспыхивало на браслетах и кайме ее длинного, до пола, белого одеяния.

Вдруг она увидела козленка, пасущегося неподалеку, и протянула руку. Козленок прибежал к ней, и царица присела и стала гладить его. Соломон залюбовался красотой ее тонкой руки с длинными пальцами и узким запястьем. За козленком прибежал маленький мальчик, но не испугался, а замер в восхищении. Царица что-то сказала, и один из лучников дал мальчику горсть фиников из сумки. Македа встала и пошла дальше, и процессия мерно и величественно двинулась дальше, проходя мимо Соломона.

Царица глянула в сторону кустов, где притаился Соломон. На секунду ему показалось, что она заметила его. Но Македа отвернулась, и по ее слову лучники ускакали вперед, а караван неспешно двинулся дальше. Слуги вывели одного из слонов впереди процессии и повели быстрее. На слоне были нагружены тюки ткани, и Соломон понял, что караван остановится на ночлег.

Царица и дальше шла по траве рядом с караваном, то садясь на корточки и рассматривая незнакомые цветы, то протягивая руки, и птицы садились ей на ладони.

А у Соломона затосковала душа, потому что Бог дал ему власть над джиннами и людьми, но сердце женщины оставил свободным.

Он проклинал себя за то письмо, что послал в Сабу. И вдруг он понял, что так удивило его, – царица шла босиком.

Соломон отполз подальше к своему ковру и полетел во дворец. Поднимаясь все выше, он снова глянул вниз. Сверкая золотом и переливаясь шелками, растянулся по дороге караван слонов и верблюдов. А рядом на зеленой траве белым цветком с черной серединкой стояла царица Сабейская и глядела в небо.

Прилетев во дворец, Соломон, хлопнув в ладоши, призвал к себе джиннов и выдал им самый удивительный приказ.

С наступлением сумерек на дорогу, по которой двигалась свита царицы Македы, вылетел десяток джиннов. Они получили задание выбрать на дороге и на десять локтей по сторонам все камешки и колючки, которые могли ранить царственные ноги.

Вылетели джинны и в мгновение ока собрали все колючее на дороге и на десять локтей по сторонам. А не долетев десять верст до лагеря, встретили они джиннов царицы Сабейской, которые тоже собирали колючки. Джинны поговорили о том, о сем и разлетелись.

Об этом происшествии было доложено царю Соломону и царице Савской. И царица улыбнулась, а Соломон огорчился.

Соломон и Татьяна

Соломон Давидович сидел в кресле и размышлял о делах фирмы. Дела были рутинные – длинная вереница мелких неприятностей и незначительных трудностей, и ему стало скучно. Соломон Давидович отпихнул кресло на колесиках от стола и решил отвлечься от суеты и подумать, как провести вечерок. На столе стояла пустая лампа, и сейчас следовало решить, чем ее заполнить.

Его всегда огорчала обыденность его желаний. Время первых экзотических экспериментов прошло, на картины прошлого и вымыслы великих писателей он налюбовался, впрочем, он всегда сомневался в их достоверности. Как правило, он хотел быть знатным и богатым – в самых разных видах, вкусный обед в необычном ресторане и женщину: молодую, упитанную, молчаливую и влюбленную, как кошка. Иногда он заглядывал в заказы

и завидовал размаху фантазии клиентов. Но пробовать их выдумки на себе не хотел. Ему-то лучше всех была известна степень риска. Поэтому сейчас он заказывал приятный отдых.

Задумавшись, он смотрел на полуоткрытую дверь кабинета, и вдруг мимо двери тихо прошла женщина удивительной красоты и скрылась за стеной. Сквознячок принес нежное благоухание духов, и Соломон Давидович чуть не подпрыгнул в кресле.

– Ну и ну! – сказал он себе. – Ну и ну! – и, выбравшись из кресла, потрусил к двери и выглянул в коридор.

Женщина как раз закрывала за собой дверь приемной женского психолога. Он только заметил, как мелькнула пола золотисто-желтого пальто и крокодиловая сумочка. Посетительница не захлопнула створку, и теперь дверное полотно беззвучно открывалось в коридор. Соломон на цыпочках прокрался вдоль стены и заглянул в щель.

Дама сидела к нему спиной и разговаривала с психологом Мариной Викторовной. Впервые он увидел растерянность на лице своей сотрудницы. И было отчего. Клиентка была замечательно красива и несметно богата. На ней было легчайшее пушистое золотистого цвета пальто из шерсти ламы с воротничком из соболя, и мех идеально подходил по цвету к забранным в тяжелый узел волосам. Против света на ткани пальто проступали фактурные узоры. На безукоризненных ногах в белых чулках были надеты крокодиловые сапожки чуть темнее пальто, и такая же сумочка с золотым замком и карабином висела на спинке стула.

Женщина взмахнула холеной ручкой, и на пальце сверкнуло кольцо из цельного топаза замечательной работы. Но в движениях незнакомки была та неуловимая строгость и четкость, по которой Соломон Давидович сразу узнал хозяйку крупного дела, а не дамочку, шикующую на деньги мужа или отца.

Эта женщина была чудо как хороша, все на ней и в ней было, безусловно, натуральным, а то, что не было настоящим, стоило еще дороже. Она была такая нежная, шелковистая, благоухающая, что ее неудержимо хотелось погладить, или хотя бы прикоснуться. Но Соломон прекрасно представлял себе взгляд ее прекрасных глаз, допусти он, упаси боже, такую вольность. Он прислушался.

– Не напрягайтесь, мне не нужны путешествия, я работаю в «Эксклюзив тур», – сказала незнакомка глубоким, неожиданно низким голосом.

Соломон прижал руку ко рту, чтобы не присвистнуть.

«Эксклюзив тур» делал почти то же самое, что и фирма «Иблис», – только в нашей реальности и за безумные деньги. Они могли организовать чаепитие с английской королевой и путешествие в Антарктиду на лично для вас заказанном «Боинге» – были бы деньги у клиента.

Марина Викторовна скисла – и было отчего.

– Может быть, любовь?

– Я в этом не нуждаюсь, – ответила дама. И по голосу ее было понятно, что она не лжет. То ли она была счастлива в браке, то ли ей это было неинтересно – не понять.

– А может быть, у вас есть какие-нибудь не одобряемые обществом желания? Которые вы подавляете? – снова заговорила Марина. – Поймите, то, что мы предлагаем, вполне реально по ощущениям, но не причинит никому вреда, и об этом никто, кроме вас, не узнает. Вы можете сделать все что угодно. Вплоть до того, что разрезать на мелкие части хозяина вашей фирмы.

Дама и Соломон синхронно поежились.

– Нет, пожалуйста, не надо. Это, пожалуй, перебор, – ответила клиентка и замялась.

Марина Викторовна с интересом посмотрела на даму.

– Понимаете, я хочу... – начала дама...

Тут у Соломона Давидовича в кармане задрожал мобильник. Соломон мячиком отпрыгнул от двери, выхватил телефон и чуть не взвыл от досады. Это было начальство, и надо было отвечать. А ему так хотелось узнать: чего же хочет эта изумительная хозяйка «Эксклюзив тура»?

Через двадцать минут Марина Викторовна проскользнула к нему в боковую дверь кабинета. В глазах у нее сияли веселые искорки. Она попросила не расспрашивать о содержании заказа.

– Милые воспоминания детства, абсолютно невинные желания, никакого риска. Но дама очень стесняется. Она будет постоянной клиенткой. В деньгах свободна. Так что, пожалуйста, Соломон Давидович, вы же такой обаятельный человек...

Пришла клиентка. У Соломона аж дух перехватило, так она была хороша. На вид ей было лет тридцать, но речь выдавала совсем другой возраст и другой уровень образования. В общем, лет пятнадцать дама успешно и без напряжения скрывала.

Она была слегка смущена, серые с золотой серединкой глаза светились в предвкушении удовольствия. Соломон корчил из себя царя Соломона. Дама играла скромную администраторшу. Оба друг другу не верили, но политес соблюдали.

Звали ее Татьяной Николаевной. Без церемоний и глупых расспросов были подписаны все соглашения, в том числе инструкция по технике безопасности и предупреждение об индивидуальной непереносимости ароматических масел. Татьяна Николаевна непринужденно оплатила совсем не скромный первый взнос, получила из подрагивающей руки Соломона первую лампу и упорхнула.

А Соломон остался сидеть в своем кресле, задавая себе мудрый вопрос: а не влюбился ли он как последний придурок на старости лет? Так и не придя к вразумительному ответу, он переключился на более интересный вопрос: «А чего же заказала несравненная Татьяна Николаевна?».

Прошло две недели. Соломон потихоньку навел справки у знакомых. Результат получился неутешительный. Дама замужем за преуспевающим бизнесменом и браком довольна. Но имеет свой процветающий бизнес, независимый от мужа. Причем настолько успешный, что когда при очередной революции муж попал на деньги, внесла за него очень крупную сумму. Конкурентов не боится, и они ей особенно не гадят. Свое дело она ведет на таком уровне, что остальные понимают – чего Бог не дал, в аптеке не купишь.

Тогда Соломон решил обойти судьбу по кривой и заказал себе на лампу любовное свидание с такой женщиной. Все было прелестно: ее будуар и пеньюар потрясали воображение, она великолепна в постели. Вот только это была не Татьяна Николаевна, и разговаривать с ней было не о чем. Соломон снова решил выбросить все из головы и честно продержался три дня.

А потом обратился к ушастому, и при этом сам себе был противен.

– Надо бы проверить клиентку. Она работает в «Эксклюзив туре», все-таки конкурирующая фирма, – не шпионаж ли?

Психолог честно сделал вид, что поверил, будто Соломон дурак, и сам пошел проверять. Коню было понятно, что даму за язык никто не тянул, и будь она шпионкой, они бы ничего не узнали. Фирма не интересовалась жизнью своих клиентов.

На следующий день ушастый пришел, гнусно ухмыляясь, и сообщил, что с клиенткой все в порядке, – и ничего больше! Соломон сделал вид, что успокоился, мысленно пообещав себе, что в заказе на следующую лампу устроит ушастому казни египетские.

Он опять задал себе все тот же мудрый вопрос и неожиданно понял, что ему очень хочется просто поговорить с этой женщиной. Она была умна, образованна, имела прекрасные манеры. Она вела похожий бизнес, а о своей работе Соломон молчал, как проклятый. А так хотелось поговорить с коллегой! Да еще такой обаятельной. И тогда Соломон опять решил обойти судьбу по кривой.

Он взял карточку и стал заполнять бланк заказа на лампу.

Что: душевный разговор со взаимопониманием.

Где: в непринужденной обстановке, во время ее любимого занятия.

При каких обстоятельствах: когда смогу выручить ее при затруднительном положении.

В каком виде: ...

Соломон задумался. Конечно маленький кругленький лысоватый Соломон вряд ли ее идеал мужской красоты. Во всяком случае, муж у нее куда импозантнее. Но елки зеленые, он же просто хочет поговорить, а не ухаживать... Не совсем же он придурок!

И записал: в натуральном.

И добавил: в парадном костюме.

Крестовоздвиженский

Шел второй час ночи. Петя методично брал пустую лампу, вставлял новую воронку, наливал из бутылочки масло и перекладывал заряженную лампу в ячейку ящика с левой стороны стола. Стояла тишина, если не считать тиканья маятника старинных часов.

По привычке Петя ни о чем не думал. Если думать, то в голову лезут разные странные мысли, а с такими мыслями недолго и ошибиться.

Внезапно тишину нарушил скрип, а затем и хлопок входной двери.

– Опять «пончик» приперся, – подумал Петя. Так он про себя называл Соломона Давидовича. Кроме шефа, сюда никто зайти не мог – в этом Петя не сомневался. Недавнее разбирательство с Галиной тому подтверждение. Кто-то, конечно, меняет лампы и масло днем, но его Петя никогда не видел.

На лестнице послышались шаркающие шаги. Петя поставил полную лампу в ячейку ящика и повернулся. В комнату вошел пожилой джентльмен небольшого роста, но в шляпе и при галстук.

– Добрый день, – сказал он, оглядываясь, – а вы здесь неплохо устроились, даже кресло есть.

– Доброе утро, – ответил Петя, – разрешите полюбопытствовать: а вы, собственно, кто?

– Нет, нет, не волнуйтесь, – попытался успокоить его старичок, – я к вашему начальству не имею никакого отношения.

– Тогда откуда же...

– Так, шел мимо, дай, думаю, зайду на огонек. Посмотрю, чем здесь народ занимается. А вы работайте, работайте. Я не буду вам мешать. Я тут тихонько посижу, отдохну. Хорошо здесь у вас, – непрерывно говорил странный посетитель, усаживаясь в кресло, – тихо. Часы тикают, и лампы эти. Все же не может старый Зир без штампов. Палочки ароматические придумал бы, что ли.

– А вы как, собственно, сюда зашли? Дверь же посторонние люди не видят? – Петя окончательно бросил работу и повернулся к посетителю, который к тому времени уже успел устроиться в кресле.

– Видите ли, молодой человек, я художник. Кстати, разрешите представиться: Дионисий Самуилович Крестовоздвиженский – может, слышали? Вы работайте, я понимаю, что вам надо ко мне спиной сидеть, я не хочу вас отвлекать.

– Честно говоря – нет, не слышал.

– Так вот, у художников особый взгляд на мир. Мы часто видим его не так, как другие смертные, и подмечаем некие двери

и прочие проходы в мир иной, мимо которых пройдут тысячи, не моргнув глазом. Вот так-то. А кроме того, я тут бывал и раньше.

«Так бы сразу и сказал, а то «мир иной» – балабол старый», – подумал Петя, но не сказал вслух.

– А вы и с хозяевами этой фирмы знакомы? – поинтересовался он. – Знавал я и Зира вашего, и этого ушастого, что у него на побегушках. Недавно они еще этого «пончика» завели для прикола.

– Вы имеете в виду Соломон Давидовича?

– Да, его самого. Имечко у него забавное. Царское. Наверное, специально выбирали. Вот, мол, Соломон – раньше мы перед ним кверху задницами стояли, а теперь ты нам зады заносишь. Юмор у них такой.

– Так ведь Соломону, по слухам, дадена была власть над джиннами, а эти ребята тут при чем?

– Дадена – это громко сказано. Власть это была или договор вассальный, дадена или сам ее взял, исхитрившись? Да что тут говорить – давно это было. А джинны – они и есть джинны. Ну, молодой человек, не буду вас отрывать – у вас еще куча работы, а ежели захотите – заходите ко мне в любое время. Вот, возьмите, – и, протянув Пете карточку, направился к выходу. Возле лестницы он повернулся и сказал: – Если честно, то действительно «балабол» – люблю поговорить с хорошим человеком.

Притронулся к шляпе, кивнул и стал подниматься по лестнице.

Пете захотелось прямо сейчас догнать этого странного старичка и задать ему массу вопросов. Но, во-первых, это несолидно как-то, во-вторых, еще дел невпроворот. А зайти надо – раз приглашал. Петя привычно переливал масло и пытался представить себе, кем же может быть ночной посетитель. На визитке было написано: «Живописные работы, точные копии в эксклюзивных стилях». Это еще что за стили? Надо будет у Галки спросить.

Если человек прожил в Одессе лет шестьдесят, а то и больше, он знаком с массой людей. Дружил, учился, работал, имел какие-то дела. Не мудрено, что он знаком со всей этой ламповой компанией. Может, сотрудничал – вот и знает, как в эти двери проходить. И кто такой этот Зир? Да, еще он про джиннов говорил. Ну, джинны – это мистика Востока. А грачи кто?

Знакомство с Никифором

Дионисий Михайлович Крестовоздвиженский сидел в подвале и размышлял. Ситуация ему сильно не нравилась, а главное – было непонятно: что с ней делать? И то, что в ней был замешан Зир, счастья в жизни ему не прибавляло. Хотя Зира, похоже, эта ситуация тоже не радовала.

С Зиром у него были старые недобрые отношения. Еще с семинарии. Крестовоздвиженский был потомственным священником, что было хорошо и плохо одновременно. Хорошо, потому что, когда выяснилось, что он видит нечистую силу, родители и не подумали обращаться к психиатру.

В семье прекрасно помнили, что настоящая фамилия его прадеда была Чертогон, которую при посвящении в сан заменили как неблагозвучную. Плохо, потому что и в монастыре, и в семинарии он вызывал пристальный интерес начальства. Его то и дело показывали каким-то святым отцам, которые многозначительно поджимали губы, качали головами и ничего не говорили. То ли считали калекой, то ли гением – не понять. Дионисия это раздражало. Учился он хорошо, экзамены сдавал легко, духовник к нему претензий не имел, и, наконец, на третьем курсе его благословили обучаться экзорцизму.

Он до сих пор с благодарностью вспоминал своего теперь уже покойного учителя отца Николая. На первой встрече отец Николай посмотрел на него тоскливым взглядом и спросил, кто стоит у куста сирени во дворе. Дионисий бодро описал двух барышень нахального вида и старуху в причудливом платке. Отец Николай вышел во двор и прочитал какую-то молитву, направляя на старуху коротенькое копьё. И вдруг старуха скрючилась, стала на четвереньки, превратившись в кошку. Девицы ничего не заметили и сбежали. Крестовоздвиженский был в восторге. Со временем его восторг поутих, а теперь и вовсе сошел на нет.

Отец Николай школил и гонял его, как зайца. Ему пришлось заучивать длинные замысловатые тексты, изучать ритуалы, а главное – запоминать огромное количество правил безопасности.

– Растяпы в нашей профессии долго не живут, – приговаривал отец Николай, – не растяпы, впрочем, тоже. Ты должен бояться! Бояться и не доверять. И не смей с ними разговаривать, сам Спаситель запретил!

А у Дионисия было множество вопросов. И на большинство из них он получал ответ: «В Писании нет, а значит, и знать не надобно». Крестовоздвиженского это обижало до крайности, но поделаться он ничего не мог. Иногда отец Николай отказывался от работы. Дионисий приставал к нему:

– Ну почему, ведь там всего один бес, выгоним – и все!

– А вот именно поэтому! – отвечал отец Николай, и Дионисий опять обижался.

Изгнание бесов у него получалось очень хорошо. То ли наследственность помогала, то ли понимал он их лучше отца Николая, только вреда ему бесы не причиняли. Он и обнаглел. Вот тогда он и встретился с Зиром первый раз.

Маленькая интеллигентная женщина с затравленным выражением лица привела сына наркомана. Парень был тихий, очень худой, и на лице у него была неизбывная печаль. Не верилось, что он уже вынес все ценное из дому и бьет мать, заставляя ее доставать деньги на наркотики.

Бес, который был в парне, сильно отличался от тех, которых Дионисий видел раньше, и отец Николай даже предложил отказаться от работы. Но Дионисий рвался в бой, на что старый монах только сказал:

– Ну смотри, как знаешь, я тебя предупредил, что добра с этого не будет!

Против ожидания, бес, а это был джинн Зир, вышел без всякого сопротивления. Он завис над головой парня клубящимся багровым облаком, ехидно ухмыльнулся и пропал. Отец Николай только головой покачал.

Парень как был в печальной прострации, так и ушел с матерью. А наутро умер во сне. Дионисия пригласили на отпевание. Он стоял перед скорбной матерью, не зная, что сказать в свое оправдание. Выручила его мать покойного.

– Не казнитесь батюшка, – сказала она, – мой сын умер задолго до сегодняшнего дня, я хороню только тело.

И она заплакала.

Крестовоздвиженский стал очень осторожен. Теперь он уже на своем опыте убедился, что правила безопасности не пустой звук. Отец Николай объяснил ему, что бывает, когда бес вытесняет душу из тела и живет в нем сам. Если его изгнать, тело умирает. И Дионисий возненавидел бесов.

Иногда ему попадались джинны. Изгонять их было сложно и скандально. Более того, не найдя себе нового тела до ночи, они прилетали к Дионисию под келью со скандалом.

– Экзорцист хренов! – вопили они. – Спаситель, да не будет названо его имя, и то был добрее к нам. Он вселял нас в свиней. Где нам теперь жить прикажешь?

– На вас свиней не напасешься! Пошли вон – спать не даете! – кипятился Дионисий.

У монахов-соседей болела голова. На монастырской кухне расплодилось тараканы. Отец Николай ворчал, что нечего вступать с джиннами в пререкания. Сказал: «Изыди!» – и пусть валят. Наконец Дионисий решил испросить у начальства благословения ночевать вне монастыря после изгнания бесов, потому что житья не стало. Крестовоздвиженский неплохо рисовал, в детстве ходил в художественную школу и попутно с учебой подрабатывал в артели народных мастеров росписью кухонных досок. Благодарный прихожанин, из которого он изгнал беса пьянства, устроил ему разрешение на мастерскую от «Союза народных мастеров» И Дионисий вдруг оказался хозяином подвала под старинным домом, доверху набитым разнообразными конторами.

Первое, что увидел Крестовоздвиженский, придя в «мастерскую», – это огромную кучу строительного мусора и ломаной мебели, на которой сидел худой и затравленный джинн.

– О Господи! – воскликнул Дионисий.

– Начинается! – сварливо ответил джинн. – Кто тебя сюда звал? Я тебе мешаю? Живу я здесь. Видишь, – джинн повел рукой вокруг себя, – мерзость запустения. Как положено. Самое подходящее для меня место. Ни в кого не вселяюсь, никого не трогаю.

Крестовоздвиженский оторопел под напором такой демагогии.

– А что ты тут делаешь и откуда ты тут взялся?

– Сказано: живу я здесь. С тех пор как Он, – джинн указал пальцем в небо, – разругался с Азазелем, повелели нам совращать род человеческий. Оно понятно, почему. Кому понравится, когда после стольких тысячелетий цивилизации над тобой ставят высшим существом какую-то обезьяну? Но меня тоже понять можно. Я из рода бесов скопидомства. Выдают тебе клиента, и ты должен так его ущучить, чтобы он от скупости сам себя и семью голодом заморил. То есть тебе ни плова, ни выпивки, ни вообще никакого удовольствия. Сиди копейки считай. На кой они мне? Что я им – святой, за идею работать? Я и сбежал. Теперь тут живу. Слушай, парень, может, ты плова поешь? А? А то эти сверху все на бутерброды нажимают. Ну, раз пост, ты хоть кваску попей с удовольствием.

Дионисию вдруг пришла в голову «светлая» мысль, что если уж изгоняешь бесов, неплохо бы узнать про них побольше. И он не стал изгонять разговорчивого джинна. Джинн оказался существом благодарным и ночью вынес весь строительный мусор без остатка в неизвестном направлении. Отцу Николаю про джинна Дионисий ничего не сказал. А отец Николай ничего не спросил, а теперь уже и не спросит.

Продолжение следует

